

"Радость многолетнего общения"

(Письма С.Я. Борового Л.П. Гроссману)

12 ноября 2003 года исполняется сто лет со дня рождения нашего земляка, видного отечественного историка Саула Яковлевича Борового (1903-1989), имя которого хорошо известно в гуманитарно-научных кругах. К его трудам уже много лет обращаются специалисты в разных областях знания, и это вполне закономерно: поразительно широким был диапазон научных исследований профессора Борового. В поле его интересов находились такие науки и научные дисциплины как этническая, экономическая и аграрная история, библиология и краеведение, история культуры, литературоведение... Совокупность опубликованных трудов юбиляра впечатляет не только с количественной, но и с качественной стороны. Многие из них, отмеченные источниковедческой основательностью, широким охватом материала и остротой мысли, получили заслуженное признание коллег в разных странах мира. Прежде всего, это книги: "Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика, идеология, хозяйство, быт" (Москва, 1928), "Кредит и банки России: середина XVII в. – 1861 г." (Москва, 1958), "Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации" (Киев, 1991), "Воспоминания" (Москва; Иерусалим. 1993/5753) и др.

Один из двух, пожалуй, самых крупных историков, трудившихся в Одессе в прошлом веке, С.Я. Боровой принадлежал к числу потомственных одесситов. В ноябре 1983 г., на пороге своего восьмидесятилетия, давая, как сказали бы сегодня, эксклюзивное интервью журналисту Евгению Голубовскому для "Вечерней Одессы", профессор с гордостью поведал: "Предки мои поселились в этом городе 175 лет тому назад". Прожив почти всю свою жизнь в Одессе (лишь последние три года провел он в Москве, но похоронен был в одесской земле), Саул Яковлевич пронес через многие годы непреходящую влюбленность в родной город, питал постоянный интерес к его истории, размышлял о его настоящем и будущем. Об Одессе им написано и опубликовано немало солидных работ. Оглядываясь на академическую разработку истории Одессы исследователями XX века, можно смело сказать, что в этом ряду С.Я. Боровому по праву принадлежит первое место.

Жизнь, мягко говоря, не слишком благоволила ученому. Достаточно вспомнить, как в начале 1953 г. был он как "безродный космополит" изгнан из своего института (хотя без него не оставалось там специалистов высшей квалификации), подвергался травле в местной печати, лишь чудом избежал ареста. Обладая громким научным именем, никогда не был востребован историческим факультетом университета (как, кстати говоря, в разные годы не потребовались филологическому факультету выдающиеся литературоведы М.П. Алексеев и Л.П. Гроссман), ни разу не выезжал за рубеж на конференции или симпо-

зиумы, приглашения на которые доставлялись адресату – по понятным причинам – с большим опозданием, не пользовался никакими "дарованными властью" привилегиями или льготами.

Зато щедро одарила судьба профессора Борового знакомством и дружбой со многими замечательными людьми из научного и литературного мира. К их числу, несомненно, относится эрудированный и тонкий литературовед, а к тому же превосходный писатель, профессор Леонид Петрович Гроссман (1888-1965). Уроженец Одессы, он в этом городе начал свою литературную и научную деятельность; здесь увидели свет его первые книги. После переезда в Москву, в начале 1920-х гг., он не порывал связей с Одессой. Знакомство Борового с Гроссманом относится как раз к последнему году жизни Леонида Петровича в черноморском городе.

В своих "Воспоминаниях" (изданных посмертно) С. Боровой признавался, что поначалу Л.П. Гроссман был для него, еще выбиравшего профессиональную стезю, не только старшим по возрасту и опыту, но и в чем-то странным, не совсем понятным человеком. Однако вскоре некоторое непонимание уступило место признанию, душевному и духовному тяготению, которое оказалось взаимным и переросло в настоящую дружбу. Между литературоведом и историком продолжались эпистолярные контакты, встречались они многожды и в Москве, и в Одессе.

Когда на рубеже 1987-88 гг. Пушкинская научная комиссия совместно с библиологической секцией одесского Дома ученых проводили заседание, посвященное близившемуся столетию со дня рождения Л.П. Гроссмана, живший тогда в Москве С.Я. Боровой прислал несколько страниц воспоминаний о покойном друге. Эти воспоминания были зачитаны на заседании и частично опубликованы в пригласительном билете. Позволю себе привести избранные места из этих записок, дающие представление о специальных интересах, поисках и ценностных ориентациях как героя, так и автора цитируемых меморий:

[...] Я благодарен судьбе, которая подарила мне радость многолетнего общения с человеком такого высокого строя, каким был и навсегда останется в моей памяти Леонид Петрович Гроссман.

[...] Он сохранял изысканную вежливость в общении с людьми, независимо от их общественного статуса [...] Он сохранил рыцарскую верность определенным, сложившимся еще в юношеские годы моральным принципам, сочетавшуюся с детской наивностью, непониманием обыденной житейской практики. Чем дальше, тем я больше убеждался в этом. А жизнь его не баловала, и часто возникали "проблемы", зачастую порожденные спецификой исторической обстановки [...].

Беседы с Леонидом Петровичем шли всегда на "высокой ноте", никогда не опускались до бытовых пересудов, до передачи околосредовых сплетен. Он всегда очень уважительно и доброжелательно отзывался о людях, имена которых всплывали в разговоре. Даже о людях, враждебно к нему относившихся, говорил сдержанно, пытаясь

найти аргументы в их оправдание. В этом особенно ярко проявлялась рыцарственность его натуры.

Общение с Леонидом Петровичем многому учило, в том числе и высокой ответственности в выполнении своих общественных либо профессиональных обязанностей. Не скрою, меня удивляло, когда он говорил: "Сегодня мы не сможем встретиться, так как завтра у меня лекция в институте". А речь шла об очередной лекции в своем институте, и говорил это опытный и талантливый лектор, оратор милостью божьей, эрудит.

Вспоминаю последнюю встречу с Леонидом Петровичем. Он лежал прикованный тяжелой болезнью к постели. Жить ему оставалось недели, но разговор шел не о болезни, а о "высоких материях". Пришел известный поэт и переводчик С.В. Шервинский. Он рассказал, что завершил перевод одного из классиков римской литературы, говорил о трудностях и находках при переводе латинских текстов. Леонид Петрович заинтересованно включился в беседу, обнаружив неплохое знание латыни [...].

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилась подборка писем С.Я. Борового к Л.П. Гроссману, которая и предлагается вниманию читателей. Хотя ответных посланий пока обнаружить не удалось, все же в публикуемых ниже письмах слышатся голоса двух собеседников. Переписка позволяет точнее представить, каковы были интересы и взгляды, равно как и привлекательное "состояние души" каждого из участников этого интеллектуально насыщенного и согретого личным отношением диалога. Помимо того, публикуемые письма несут в себе указания на их время — на существенные приметы той эпохи, в которую довелось жить и работать обоим корреспондентам, и которая сегодня воспринимается уже как история.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
Любек (ФРГ)

Одесса, 4 октября 1926 г.

Высокоуважаемый Леонид Петрович, я уже писал Вам об этом: меня занимает Осип Лернер¹. Он любопытен не только, как "ученик" Ковнера². Он довольно долго подвизался как литератор и еврейский театральный деятель (сейчас, накануне празднования 50-летия еврейского театра эта сторона его деятельности особенно злободневна). Об одном эпизоде его жизни (довольно печальном) я напечатал в прошлом году очерк³. Если сохранился его архив, то там может быть много важного (например, письма Ковнера). Не попытались бы Вы запросить об этом Николая Осиповича⁴; это могло бы быть и в Ваших интересах. Я с Николаем Осиповичем не знаком, и обращаться к нему лично мне неудобно.

Был бы Вам несказанно признателен, если бы Вы, "открыв" архив

Осипа Лернера, помогли бы мне извлечь из него некоторые материалы. Я не оставляю мысли написать очерк о Лернере как ученике Ковнера.⁵

Тогда я попытаюсь выпустить своих "нигилистов" отдельным изданием.⁶
Печатаете ли Вы 2-е издание своей "Исповеди"?

С приветом

С. Боровой

¹ Лернер, Иосиф Иегуда (Осип, 1849-1907) — еврейский писатель и театральный деятель. Писал на трех языках: иврите, идиш и русском.

² Ковнер, Авраам Урия (Аркадий Григорьевич, 1842-1909) — еврейский литератор, представлявший т. н. "писаревское" направление в еврейской критике. Писал на иврите, позднее — на русском языке. В 1924 г. Л.П. Гроссман выпустил книгу о Ковнере (Л. Гроссман. Исповедь одного еврея. М.; Л., 1924).

³ Боровой С. Новое о Ковнере // Еврейская мысль. — Л., 1926. — С. 225-245. В статье Борового содержится критика некоторых сторон деятельности Ковнера и, в частности, публикуется донос Ковнера одесскому полицмейстеру на редактора издававшейся в Одессе еврейской газеты "Ха-мелиц" А. Цедербаума.

⁴ Лернер, Николай Осипович (1877-1934) — живший в Ленинграде сын Осипа Лернера, известный русский литературовед, автор многих трудов о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

⁵ Позднее С.Я. Боровой опубликовал (на языке идиш) очерк об О. Лернере "Забытый нигилист" в Вильнюсском журнале „Filologische Schriften“ (№ 3, 1929, с. 472-484).

⁶ План С. Борового выпустить очерки о Ковнере и О. Лернере отдельной книгой не был осуществлен.

⁷ В 1927 г. в Мюнхене вышла из печати "Исповедь одного еврея" в немецком переводе.

Одесса, 28 августа 1932 г.

Многоуважаемый Леонид Петрович,

Несколько дней назад я прочитал Ваш "Рулетенбург"¹. Я испытываю потребность выразить Вам искреннюю благодарность читателя. Это несомненно интереснейшая книга последнего литературного года; Ваш настоящий Meister Werk². Надеюсь, когда-нибудь последует продолжение "Рулетенбурга", хотя понимаю, что вторая половина жизни Достоевского — тема, представляющая особые трудности, и не только чисто литературного порядка.

Простите одно малосущественное замечание крохобора: у Вас дважды упоминается "ветхозаветный цадукей". (Раз даже говорится об изображении цадукея в иллюстрациях к Ветхому Завету). Так вот: цадукеев (порусски принято "суддукей") Ветхий Завет, конечно, не знает. Обращаю Ваше внимание на эту чепуху, так как не сомневаюсь, что будет 2-ое и дальнейшие издания.

Мои личные дела весьма плохи. Года полтора, как меня не печатают. У меня, точнее, в издательствах, под спудом лежит ряд моих работ, в том числе "Евреи в Запорожской Сечи"³ — работа, которую я, благодаря общию современного, нового, неожиданного и яркого материала — считаю весьма интересной. Не знаю, что и придумать.

Знаете ли Вы, что с год назад появилась довольно большая статья о Ковнере (на еврейском языке) одного наездника от литературы (Якова Бронштейна)⁴, в которой досталось, конечно, и Вам. (Равно, как и мне).

С глубоким уважением и приветом

Ваш С. Боровой

¹ Гроссман Л. Рулетенбург: Повесть о Достоевском. — М.; Л., 1932.

² Meisterwerk (нем.) — шедевр.

³ Спустя два года работа была опубликована в академическом издании (Исторический сборник. Т. 1. — Л., 1934. — С. 141-190). См. также новейшую перепечатку в кн.: Еврейские хроники XVII столетия: Эпоха "хмельнитчины". / Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового. — Москва; Иерусалим, 1997/5757. — С. 207-250.

⁴ Бронштейн, Яков Анатольевич (Яша, 1897-1938?) — еврейский литератор, критик, преподаватель Минского педагогического института, научный сотрудник Института литературы и языка Белорусской Академии Наук. Был одним из руководителей Союза писателей Белоруссии. Репрессирован как "враг народа". Впоследствии С. Боровой менее резко отзывался о статье Бронштейна (См.: Боровой Саул. Воспоминания. — Москва; Иерусалим, 1993/5753. — С. 171).

Одесса, 11 октября 1932 г.

Многоуважаемый Леонид Петрович,

отвечаю на Ваше письмо с опозданием, так как только два дня, как вернулся из "погибельного" Кавказа (Теберда — Военно-Сухумская дорога — Сухуми).

Несказанно Вам благодарен, прямо-таки тронут, за лестное и ценное для меня предложение оказать содействие в моих литературных делах. Большое Вам спасибо! Не знаю, побеспокою ли Вас такой просьбой. Во всяком случае, в данный момент ничего конкретного по этому поводу написать не могу. Из всего залежавшегося у меня "товара", по-моему, наиболее интересна и может рассчитывать на внимание более или менее широких кругов работа о евреях в Запорожской Сечи¹. Подойдет ли эта тема для какого-либо издательства, с которым Вы связаны?

К сожалению, у меня мало шансов быть в ближайшее время в Москве. Я слишком усиленно гулял летом.

Сообщаю точный перевод интересующего Вас места в статье Брон-

штейна² ["Временник („Zeitschrift“) еврейского сектора Белорусской Академии Наук", т. V, Минск, 1931, стр. 212]:

"Его почти сенсационная биография щекотала нервы у многих буржуазных историков литературы [...] Гроссман в своей книге смакует биографию Ковнера как биографию еврея, который сподобился переписываться с Достоевским. Самого Ковнера Гроссман, кажется, вовсе не читал, и он даже не пытается рассмотреть его литературно-критические воззрения".

Мне достается много хуже. Он меня даже называет гением в кавычках. Ей-Богу, я не знаю, за что.

Очень прошу Вас, не забывайте преданного Вам

С. Борового

¹ См. прим. 3 к письму от 28.08.1932.

² См. прим. 4 к письму от 28.08.1932.

Одесса, 17 октября 1948 г.

Дорогой Леонид Петрович,

еще в начале лета к Вам обратилось — по моему предложению — наше областное издательство с просьбой дать статью в предполагавшийся к изданию сборник о Пушкине¹. Мне говорили в издательстве, что, несмотря на ряд напоминаний, Вы не откликнулись на это предложение. Меня это, признаться, удивило. Неужели до Вас не дошли письма? Не были ли Вы в отъезде? Поэтому я не уверен, что и это письмо дойдет до Вас. Не знаю, есть ли сейчас для Вас смысл откликнуться на обращение издательства: у меня мало веры, что такой сборник осуществится, но я Вас очень прошу написать поскорее мне. Во-первых, я несколько обеспокоен Вашим молчанием; во-вторых, я все же не утрачиваю надежду на возможность осуществления каких-нибудь литературных предприятий, в которых я был бы счастлив видеть Вас соучастником. Я понимаю, что это время было для Вас нелегким, но надеюсь, что Вы еще порадуете своих друзей не одним произведением.

У нас сейчас организуется Пушкинская комиссия², в которой и я буду участвовать, но — по правде говоря, работать не с кем. Мне лично хотелось бы написать только о "пушкинской Одессе". Мне представляется, что у меня есть возможность эту тему осветить по-новому, свежо и более правильно. Если услышите о заказчиках на такую работу — напомните обо мне.

Недавно я закончил статью о Мицкевиче в Одессе, которую назвал

"Мицкевич накануне восстания декабристов"³. Мне кажется, что в этой работе я внес кое-что новое в политическую биографию Мицкевича, натолкнулся на некоторые "открытия" в области истории отношений Мицкевича с декабристами. Работу я писал по договору с "Литературным наследством". Послал ее более месяца назад, но почему-то я не получил еще подтверждения. Не случилось ли чего-нибудь в редакции "Литературного наследства"? Хотелось бы мне, признаться, об этой работе где-нибудь доложить, тем более, что в декабре исполняется столетие со дня рождения Мицкевича. Конечно, в соответствующих кругах меня никто не вспомнит, так как Мицкевичем я никогда раньше не занимался, и сейчас эта тема для меня более или менее случайная. Я, правда, написал об этом в Институт мировой литературы. Не знаю, отзовутся ли? За всякую информацию и по этому вопросу буду очень благодарен.

Повторяю, что страшно рад был бы весточке от Вас. В Москве я, вероятно, буду только в январе, если не вызовут по какому-нибудь поводу раньше. У меня лично нового мало, много занят преподаванием, ведением кафедрой и подобными делами, которые относительно неплохо кормят, но не очень мне по душе.

Крепко желаю Вам бодрости и здоровья. Привет Серафиме Германовне!⁴
Искренне Ваш

С. Боровой

¹ Речь идет, очевидно, о сборнике, выпущенном к 150-летию со дня рождения поэта: О.С. Пушкин в Одессе. — Одесса, 1949.

² Здесь С.Я. Боровой не совсем точен. Пушкинская комиссия Одесского Дома ученых была создана еще в 1925 г. по инициативе жившего тогда в Одессе М.П. Алексеева. Речь идет о возрождении и возобновлении деятельности этого научного сообщества. Позднее, в 1974-1985 гг., С.Я. Боровой возглавлял Пушкинскую комиссию Одесского Дома ученых.

³ Речь идет о работе, увидевшей свет спустя несколько лет. См.: С. Боровой. Мицкевич накануне восстания декабристов // Лит. наследство. Т. 60, кн. 1. — М., 1956. — С. 411-474.

⁴ Серафима Германовна — жена Л.П. Гроссмана.

Одесса, 15 сентября 1949 г.

Дорогой Леонид Петрович!

Я не сразу ответил на Ваше письмо, так как хотел полнее уяснить себе Ваши шансы, а также пытался подготовить почву — и в том и в другом успел не много.

Не приходится говорить о том, каким благом для университета было

бы привлечение Вас к работе¹, и не только для университета, а, вообще, для повышения культурного тонуса нашего города.

Трудно себе представить, как низко опустился у нас уровень "академического" и внеакадемического литературоведения [...]. Достаточно сказать, что сейчас в Одессе нет ни одного профессора (не говорю даже доктора) литературоведа или филолога.

Вся русская литература в университете дана на откуп нескольким дамам — все они кандидаты, все они дамы, все они девственны (в научном смысле) и, конечно, никогда ничего не родят. Единственная вполне грамотная из них (и, может быть, когда-то каким-то боком прикоснулась к науке) — это известная Вам Зоя Антоновна Бабайцева-Бориневиц² [...].

Рассчитывать, что эти дамы захотят Вас иметь в своей среде, конечно, не приходится. Но мне говорят, что если Вы обратитесь непосредственно к ректору — то известные шансы на успех могут быть. К директору Педагогического Института обращаться нет смысла.

Должен ли говорить, что я лично был бы счастлив, если бы Вы стали "периодическим одесситом". Здесь так скучно [...].

В начале августа, возвращаясь из Ленинграда, я провел несколько дней в Москве. Звонил 2-3 раза к Вам, но к аппарату никто не подходил. Очевидно, вы были в отъезде. Зимой снова надеюсь побывать на севере.

О моих делах Вы кое-что знаете. Работаю я сейчас в своем Экономическом Институте³. Пишу преимущественно по вопросам истории народного хозяйства, но вот в прошлом году написал довольно большую работу "Мицкевич накануне восстания декабристов"⁴, которая принята "Литературным наследством", но — бог весть — когда еще появится.

Крепко жму Вашу руку!

Сердечный привет Серафиме Германовне!

Пишите и держите меня в курсе своих дел. Не сомневайтесь в моей большой готовности помочь Вам всем, что только в моих — увы, ограниченных — возможностях.⁵

Сообщаю адрес университета и имя ректора:

Прокофий Леонтьевич Иванченко⁶, Одесский Государственный Университет, ул. Петра Великого, 2.

С сердечным приветом

Ваш С. Боровой

¹ В то время Л.П. Гроссман, не имея стабильного места работы в Москве, выражал желание работать на полставки в Одесском университете и просил С.Я. Борового узнать, заинтересован ли в его приходе на кафедру русской литературы университет.

² Бориневич-Бабайцева, Зоя Антоновна (1885-1972) — литературовед, доцент кафедры русской литературы Одесского университета. С 1948 по 1972 гг. возглавляла Пушкинскую научную комиссию Одесского Дома ученых.

³ С.Я. Боровой был профессором Одесского Кредитно-Экономического Института.

⁴ См. прим. 3 к письму от 17 октября 1948 г.

⁵ Практически С.Я. Боровой не мог ничем помочь, т. к. и сам, будучи в течение ряда лет одним из двух, а то и единственным профессором-историком в городе, не был "востребован" Одесским университетом.

⁶ Иванченко, Прокофий Леонтьевич (1907-1975) — доцент, затем профессор кафедры дарвинизма Одесского университета, ректор университета в 1949-1953 гг. Предположение С.Я. Борового о том, что обращение к ректору могло принести положительные результаты, было наивным: достаточно вспомнить, что именно этот ректор исправно проводил в университете "линию партии" в годы борьбы с т. н. "безродными космополитами" и боролся с противниками лысенковщины в биологии.

Одесса, 22 сентября 1949 г.

Дорогой Леонид Петрович,

мне нечего добавить к тому, что я уже писал Вам; повторяю, что считаю все же целесообразным Ваше личное обращение к ректору.

А вот писать Зое Антоновне¹ я бы не рекомендовал. Во всяком случае, встретившись с нею недавно, я не считал разумным посвятить ее в Ваши планы.

С Зильберштейном² я поддерживаю связь. Я Вам очень благодарен за желание ускорить прохождение моей работы (которая, собственно, редакцией уже принята, и ждет подготовки соответствующего тома), но, может быть, нет смысла создавать у Ильи Самойловича впечатление, что я ищущу к нему какие-то "ходы".

Держите меня в курсе своих дел.

Ваш С. Боровой

¹ См. прим. 2 к письму от 15.IX.1949.

² Зильберштейн, Илья Самойлович (1905-1983) — историк литературы, искусствовед, коллекционер, инициатор и один из редакторов серии "Литературное наследие".

Одесса, 5 января 1953 г.

Дорогой Леонид Петрович!

Как Вы знаете, вчера вечером я беседовал по телефону с Серафимой Германовной. Я сообщил ей, что — как назло — в Доме Ученых временно перестали функционировать комнаты для приезжающих. Однако зимой в Одессе легко получить комнату в гостинице ("Красной" — на Пушкинской улице или — лучше — в "Одессе", бывшей "Лондонской"). Конечно,

я и Вадим Сергеевич¹, который Вам сердечно кланяется, заблаговременно Вам подготовят номер (хотя в этом нет, кажется, нужды), мы только должны быть своевременно осведомлены о дне Вашего приезда. Дело несколько осложняется тем, что я, по примеру прошлых лет, хотел бы выехать в Москву числа 24-25 сего месяца (раньше никак не смогу), однако не убежден, что смогу это сделать (по целому ряду причин). Вадим Сергеевич в этом отношении в аналогичном положении. Было бы так обидно "разминуться"!

При всех условиях держите нас в курсе дел: пишите, звоните (мой домашний телефон: 2-58-10), телеграфируйте!

У меня нового пока немного². В прошлом году много писал, напечатал кое-какую мелочь, жду появления более крупных работ, но, конечно, до самой последней минуты нет уверенности, что выйдет [...]. Этот год был более трудный, последний месяц в моем институте прошел под знаком комиссий, проверок и т. д. Выводов еще нет.

Рад был очень, почувствовав в Вашем письме спокойные ноты — ученого, мудреца, созерцателя.

Ах, как хорошо было бы, если бы Вы приехали и застали меня. Это было бы настоящим для меня праздником!

Недавно я возвратился из интересного, но очень непродолжительного путешествия: Кишинев — Черновцы — Львов — Киев. Львов в его сохранившихся средневековых кусках неповторимо интересен.

Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам и Серафиме Германовне всего самого лучшего — здоровья, спокойствия, творческих успехов — в наступившем году!

Искренне Ваш

С. Боровой

¹ Алексеев-Попов, Вадим Сергеевич (1912-1982) — доцент кафедры новой и новейшей истории Одесского университета, друг С.Я. Борового.

² Вскоре, однако, в жизни С.Я. Борового произошли серьезные изменения. 4 февраля 1953 г. он был уволен из института, началась травля "буржуазного националиста" Борового (См. подробнее: Саул Боровой. Воспоминания, с. 320-344).

Одесса, 29 июня 1954 г.

Дорогой Леонид Петрович,

Вы так участливо и так искренне делили со мной мои горести¹, так настойчиво советовали мне ждать решения вопроса у себя дома (когда мне

это казалось — и с основанием — совершенно нереальным), — что я торопилось поделиться с Вами новостью: на-днях я был "выбран по конкурсу" в моем же Одесском Институте².

После того, как я оказался "законтрактованным", появились и другие предложения, возможно, вполне реальные: Кишиневский и Киевский университеты. Поживем — увидим. Если я почувствую себя неудобно здесь — может быть, буду в дальнейшем подаваться на Север.

Летом я, очевидно, никуда не уеду. Продолжаю свою службу в библиотеке³. С ней, надо думать, не порву связь и в дальнейшем. (Во всяком случае, не хотят меня отпускать).

Есть много разных литературных планов. Надеюсь, что сейчас, отдохнув, с новой энергией займусь своими делами.

Каковы Ваши планы и настроения? Уверен, что сейчас, наверное, нет никакого смысла в одесском варианте⁴.

Пишите!

Сердечный привет от меня и жены Вам и Серафиме Германовне!
Ваш С. Боровой

¹ К сожалению, переписка С. Борового и Л. Гроссмана за эти полтора драматических в судьбе Борового года не сохранилась.

² С.Я. Боровой был не восстановлен в должности, а "избран по конкурсу" на свое же место в Кредитно-Экономическом Институте в июне 1954 г.

³ До возвращения в институт, около года (в 1953-54 гг.) С. Боровой работал сотрудником-консультантом научно-библиографического отдела Одесской государственной публичной научной библиотеки им. Горького.

⁴ К тому времени Л.П. Гроссман уже работал профессором МГПИ им. В.П. Потемкина.

Одесса, 5 ноября 1954 г.

Дорогой Леонид Петрович,

вчера принесли Вашу празднично-поздравительную телеграмму. Хотя ее вручили до срока — она меня необычайно обрадовала и тронула.

Крепко обнимаю Вас и желаю Серафиме Германовне и Вам многих лет жизни, здоровья, плодотворной работы и больших творческих радостей.

У меня новый учебный год идет вполне нормально. Чувствую себя в старо-новом месте¹ так, как если бы ничего не произошло. И никто (пока?) о прошлом не напоминает и не вспоминает. Впрочем, почти все переменялись, и основные "герои" тех событий удалены из Института.

В этом году мне хотелось окончательно завершить литературную и редакционную обработку своей большой книги (листов на 50) по исто-

рии экономического развития России в конце XVIII и первой половины XIX века². Но работа движется не так быстро, как хотелось бы. Отвлекают текущие дела, кое-какие более мелкие, но более реальные, литературные дела.

Зимой рассчитываю, вместе с Эмилией Израилевной³, побывать в Москве.

Жду с нетерпением встречи с Вами и с Серафимой Германовной.

Эмилия Израилевна благодарит Вас за память и сердечно приветствует Вас.

Искренне Ваш

С. Боровой

¹ См. письмо от 29 июня 1954 г.

² По-видимому, из этого предварительного замысла родилась монография С.Я. Борового "Кредит и банки России. Середина XVII в. — 1861 г." (М.: Госфиниздат, 1958).

³ Аксенфельд-Боровая, Эмилия Израилевна (1906-1969) — первая жена С.Я. Борового.

Одесса, 14 декабря 1954 г.

Дорогой Леонид Петрович,

чрезвычайно обрадован был Вашим подарком¹. В Вашей новой работе столько творческой свежести, напряженной работы мысли. Пусть же Вас никогда не оставляет эта молодость мысли и творческий порыв, которого совершенно лишены все эти молодые старички, копуны, нанизыватели цитат и "проработчики".

Жаль только, что такая работа спрятана в малодоступном и, вероятно, по остальному материалу не слишком интересном издании. Но, думаю, эту работу будут искать. И хотелось бы Вас видеть снова в большой печати.

У меня все идет нормально. Печатаю кое-какие мелочи. Но подготовил и сдал рукопись первого тома большой монографии по истории экономического развития России XVIII века (ее должен печатать наш институт — но я не очень верю в реальность этого), второй том должен сдать к осени (вчерне он уже написан)².

Кое-что делаю для "Литературного наследия". Но мой том (2-й декабристский) так туго рождается! Есть у меня и другие планы. Кроме того, скажу откровенно, что — глупец! — считаю, что придет еще время, когда можно и даже нужно будет возвращаться к моим старым темам³.

В институте лекций у меня не много, но сейчас очень много времени отнимает непродуктивная работа, связанная с руководством кафедрой (у

настоящего заведующего кафедры был инфаркт, и он выбыл из строя на все полугодие), участие во всяких комиссиях и т. п. С нетерпением жду возможности выехать⁴, но смогу только в самом конце месяца.

Эмилия Израилевна сердечно благодарит Вас за привет.

Всего Вам наилучшего!

Сердечный привет и лучшие пожелания Серафиме Германовне!

Обнимаю Вас

Ваш С. Боровой

¹ Речь идет о полученном сборнике „Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина“, (т. XXXIV, М., 1954), где опубликована статья Л.П. Гроссмана "Поэтика Белинского (К вопросу о жанрах литературно-критических статей В.Г. Белинского)". См. указ. изд., стр. 115-154.

² Монография не была издана институтом. Отдельные ее части были опубликованы С. Боровым в виде статей, очерков и т. п.

³ С.Я. Боровой имеет в виду проблематику, связанную с еврейской историей и культурой.

⁴ Имеется в виду поездка в Москву.

Одесса, 7 марта 1955 г.

Дорогой Леонид Петрович,

очень жалею, что не успел до отъезда из Москвы (я уехал 20.I) еще раз появиться у Вас или позвонить. Вы знаете, как московское колесо может завертеть человека [...].

Я не вполне удовлетворен (в деловом плане) своей поездкой, но, думаю, она все же не будет бесплодной, а главное оправдание — повидался с близкими и родными для меня людьми, из которых на первом месте Вы [...].

Пишите и не забывайте!

Сердечный привет Серафиме Германовне.

Ваш С. Боровой

Одесса, 17 апреля 1955 г.

Дорогой Леонид Петрович,

в каталоге одессики Публичной библиотеки есть две брошюры о городской аудитории (их библиографическое описание прикладываю на отдельном листке¹). Боюсь, это не то, что Вы ищете.

Если понадобятся дополнительные справки — сообщите. Может быть, удастся еще найти.

Как хорошо было бы приветствовать Вас здесь на пушкинской конференции². (Я, возможно, выступлю с небольшим сообщением). О перепис-

ке с Вами по поводу конференции мне говорила Зоя Антоновна, но ее очень смущало, что нет средств на оплату проезда и т. д. Но, может быть, это уже улажено [...].

Уверен, что Вы сейчас много и плодотворно работаете, в частности, готовите статьи и материалы для Вашего тома "Литературного наследства"³.

Жена благодарит за привет и память.

Привет Серафиме Германовне!

Не забывайте

Преданного Вам С.Б.

¹ Описание не сохранилось.

² Имеется в виду 2-я конференция пушкиноведов Юга, которая прошла в Одессе 21-23 мая 1955 г.

³ Речь идет, по-видимому, о подготовке тома "Литературного наследства", посвященного Ф.М. Достоевскому.

Одесса, 8 мая 1957 г.

Дорогой Леонид Петрович,

от души благодарю Вас за чудесный подарок. С жадностью прочитал Ваш великолепный этюд.¹ Надо его сделать достоянием более широкого круга читателей. Почему бы Вам не попытаться издать его в обществе распространения знаний?²

Но, признаться, одновременно я очень огорчился, читая Вашу статью. Ведь, как я убедился на своем многолетнем опыте, для меня оказываются неосуществимыми почти все Ваши "директивы" (кроме, пожалуй, последней — 15³). И это очень горько осознавать!

Что у Вас нового? Как планируете наступающее лето? Скоро ли появится том "Литературного наследства" по Достоевскому?

Очень прошу и дальше не забывать меня!

Сердечный привет Серафиме Германовне!

Еще раз благодарю и обнимаю Вас.

Ваш С. Боровой

¹ Речь идет о статье Л.П. Гроссмана „Искусство лектора“ (Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. 47. — М., 1957. — С. 231-266).

² Совет С. Борового был воспринят Л. Гроссманом серьезно. К сожалению, выход этой работы отдельной брошюрой состоялся лишь через пять лет после кончины автора.

См.: Гроссман Л.П. Об искусстве лектора. С предисл. И. Андроникова. — М.: Знание, 1970.

³ „Высший закон для лектора — глубоко любить свою науку и творчески овладеть ею“.

Одесса, 15 декабря 1957 г.

Дорогой Леонид Петрович,

я очень рад, что наша книга¹, в которой я частично выступаю и под грязной оболочкой Готалова², доставила Вам удовольствие. Объясняю это в основном, обаянием темы, а не уровнем выполнения. Хорошо сознаю, что, при других условиях, я бы обо всем этом написал бы неизмеримо лучше.

В конце января надеюсь побывать в Москве. Много накопилось дел. А когда мы увидим Вас? Хотелось бы поскорее!

Вадим³, вероятно, довольно много рассказывал Вам об Одессе, обо всех наших делах.

Итак, как надеюсь, до скорой встречи!

Эмилия Израилевна и я кланяемся сердечно Серафиме Германовне.

Ваш С. Боровой

¹ Одесса: Очерк истории города-героя. — Одесса, 1957.

² Готалов-Готлиб, Артемий Григорьевич (Артур, Арон Гиршевич, 1867-1960) — историк, педагог; преподавал в вузах Одессы. Неоднократно менял вероисповедание и имя, в научных кругах имел сомнительную репутацию. Отрицательное отношение С. Борового к Готалову нашло отражение в его мемуарном очерке (См.: Саул Боровой. Воспоминания, с. 345-355). В комментируемом письме имеется в виду статья: Готалов-Готлиб А.Г. Основание города и его развитие в первые десятилетия // Одесса: Очерк истории города-героя, с. 15-35. Очерк был полностью переработан для печати С. Боровым, но вышел все же за подписью Готалова. См. об этом случае: Саул Боровой. Воспоминания, с. 354-355.

³ Вадим Сергеевич Алексеев-Попов. См. прим. 1 к письму от 5.I.1953.

Одесса, 16 июня 1959 г.

Дорогой Леонид Петрович,

только вчера я взял в библиотеке сборник "Творчество Достоевского" и приступил к чтению Вашей замечательной статьи¹. А сегодня я был так обрадован таким ценным подарком и радостным знаком внимания и дружбы.

Читаю вашу статью запоём. Бесспорно, это — одна из самых лучших Ваших работ — настоявшаяся, необычайно емкая. Она займет самое заметное место в литературе о поэтике Достоевского. Не сомневаюсь, эта статья встретит самый широкий отклик и за пределами нашей страны, где так много занимаются Достоевским.

С удовольствием вспоминаю часы, проведенные недавно в Вашем обществе. Очень жаль, что они были такими короткими.

Сердечный привет от Эмилии Израилевны и меня Серафиме Германовне!

Всего Вам наилучшего! Еще много статей и книг!

Не забывают!

Ваш С. Боровой

¹ Гроссман Л.П. Достоевский-художник // Творчество Ф.М. Достоевского. Сб. статей. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 330-416.

Одесса, 1 марта 1961 г.

Дорогой Леонид Петрович,

Вы меня очень обрадовали своим подарком¹. Я так люблю читать каждую новую Вашу работу, но особенно я был рад, что Вы и сейчас вспомнили меня — после довольно длительного перерыва. Впрочем, я виноват перед Вами: давно не писал, а в последние приезды в Москву нам не случилось встретиться.

Надеюсь, что скоро тоже кое-что смогу послать Вам. В последнее время я печатал немало всякого — но больше по историко-экономическим вопросам. А вот сейчас, говорят, что скоро выходит в Кишиневе второй том "Пушкин на юге", в котором печатается моя статья об одесской главе из "Евгения Онегина"². (Вы слышали этот доклад два года назад на нашей конференции).

Сейчас я работаю над книгой об М.Ф. Орлове³, которая должна выйти в "Литературных памятниках" (издание Академии Наук)⁴. Есть много другой работы. К сожалению, много сил уходит на педагогику.

Очень хотелось бы повидать Вас и Серафиму Германовну, которой прошу от Эмилии Израилевны и меня передать самые лучшие пожелания.

Крепко обнимаю Вас и желаю всего наилучшего.

Ваш С. Боровой

¹ Очевидно, речь идет о присланной книге: Гроссман Л. Пушкин. 3-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1960 (ЖЗЛ).

² Имеется в виду статья: Боровой С.Я. "Путешествие Онегина" и одесская тема в русской литературе первой трети XIX // Пушкин на юге: Труды Пушкинской конференции Кишинева и Одессы. В 2-х томах. Т. 2. — Кишинев, 1961, С.265-288.

³ Орлов, Михаил Федорович (1788-1842) — генерал-майор российской армии, сыгравший заметную роль в военной и дипломатической истории России; друг А.С. Пушкина, член общества "Арзамас", один из вождей Союза Благоденствия.

⁴ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. — М.: Изд-во АН СССР, 1963 ("Литературные памятники"). Издание было подготовлено С.Я. Боровым и М.И. Гилельсоном. С. Боровому принадлежит также помещенная в книге статья: "М.Ф. Орлов и его литературное наследие" (с. 269-313).

Одесса, 18 марта 1962 г.

Дорогой Леонид Петрович,

меня несказанно обрадовал Ваш отзыв о моей статье¹. Должен ли говорить, как я ценю Ваше мнение о моих работах — даже делая поправку на Ваши дружеские чувства [...].

Очень тронул меня Ваш совет написать биографию Орлова² и предложение помочь продвинуть ее в серию "Жизнь замечательных людей"³.

Должен Вам сказать, что краткая биография Орлова (на 4 печатных листа) мною уже написана, и она должна пойти в собрании сочинений Орлова, которое подготовлено мною для серии "Литературные памятники" (издание Академии Наук). Эта книга⁴, как надеюсь, выйдет в 1963 году. (Она уже давно в издательстве).

Но я уже давно подумываю о большой биографии Орлова. Поэтому Ваше предложение пришлось мне очень по душе. И я очень серьезно над ним задумываюсь. Может быть, в качестве соавтора я приглашу С.С. Ланда⁵ (он мне это предлагал несколько раз). С.С. Ланда опубликовал в том же "Пушкине и его время" очень ценный этюд об Орлове⁶.

Словом, как видите, Ваше предложение попало на подготовленную почву. Но, к сожалению, я не так свободен. Надо мною висят так называемые "плановые темы". В последнее время Министерство Высшего образования навязало мне работы по составлению программ, методических пособий и учебников по истории народного хозяйства. В связи с этим мне, например, придется завтра выехать на несколько дней в Киев [...].

Но все же, думаю, засяду и за книгу об Орлове. И тогда обращусь к Вам с просьбой "всячески связать с серией "Жизнь замечательных людей" (говоря Вашими словами).

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Боровой.

Эмилия Израилевна передает Вам сердечный привет.

¹ Очевидно, речь идет о статье С. Борового "Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х годов" (Пушкин и его время. — Л., 1962. — Вып. 1. — С. 246-264).

² См. прим. 3 к письму от 1.III.1961.

³ План такой книги всерьез обдумывался С. Боровым, но осуществлен не был.

⁴ См. прим. 4 к письму от 1.III.1961.

⁵ Ланда, Семен Семенович (1923-1990) — историк и литературовед, работавший в Ленинграде.

⁶ Ланда С.С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России: 1816-1821 гг. (из политической деятельности П.А. Вяземского, Н.И. и С.И. Тургеневых и М.Ф. Орлова) // Пушкин и его время. Вып. 1. С. 67-231.

26 декабря 1962 г. Одесса¹

Дорогой Леонид Петрович!

Посылаем Вам самые лучшие и горячие пожелания к наступающему новому году!

Как жаль, что в последнее время мы так мало встречались и даже давно не обменивались письмами.

Будьте здоровы и бодры и радуйте нас своими работами!

Эмилия Израилевна просит передать Вам лучшие пожелания.

Обнимаю Вас

С. Боровой

¹ Письмо написано на обороте ксилографии портрета Ф.М. Достоевского работы В.А. Фаворского.

Одесса, 9 июля 1963 г.

Дорогой Леонид Петрович,

я очень благодарен Вам за телеграмму, которая несколько успокоила меня и Ваших одесских друзей. Не скрою, меня мучила совесть: как это мы отпустили Вас одного в этот вояж.¹ Но, слава Богу, все обошлось хорошо.

Заклинаю Вас, исполните все указания Михаила Александровича²: немедленно отправляйтесь в клинику, где Вас недолго подержат, но точно определяют режим, которому Вы должны будете строго следовать, пока все войдет в норму. А позже, к октябрю, приезжайте снова в Одессу, где Вам будет обеспечен наилучший врачебный надзор, уход и последующий отдых в кругу любящих Вас друзей.

Будьте же бодры и благоразумны!

Должен ли говорить, как я рад каждой весточке от Вас! [...]

Обнимаю Вас

Ваш С. Боровой

Мой летний адрес: Одесса, А-16, ул. Перекопской дивизии, 62.

¹ Участвуя в 10-й конференции пушкинovedов юга, которая проходила в Одессе 28 июня — 1 июля 1963 г., Л.П. Гроссман перенес приступ острой сердечной недостаточности и вынужден был обратиться за помощью к кардиологам. По возвращении в Москву телеграфировал С. Боровому о благополучном прибытии.

² Ясиновский, Михаил Александрович (1899-1972) — ведущий одесский терапевт, профессор, зав. кафедрой Одесского медицинского института, действительный член Академии Медицинских Наук СССР. М.А. Ясиновский консультировал Л.П. Гроссмана в Одессе.

Одесса, 14 августа 1963 г.

Дорогой Леонид Петрович,

я был несказанно обрадован, получив Вашу книгу¹, с надписью, которую я не заслужил. Книгу сразу же начал читать и не могу оторваться. Как интересно, проникновенно, поучительно. И какое мастерство!

Я все время много думал о Вас, о Вашем здоровье. И ничего не знаю. Но надеюсь, что Вы оправились, чувствуете себя бодро. Ради бога, не допускайте больше таких нарушений режима и приезжайте к нам осенью (в клинику М.А. Ясиновского²), где Вас хорошо подлечат.

Одновременно посылаю только что вышедшую книгу "Орлов"³. Если будет время — прочитайте мою статью (послесловие) и откровенно поделитесь своим мнением.

Когда я закончу чтение Вашей новой книги — поставлю ее на полку в ряд Ваших книг и оттисков, начатый еще "Исповедью одного еврея"⁴. Как видите, Ваши книги (с автографами) накапливаются у меня почти целых 40 лет. И я надеюсь, что этот драгоценный ряд будет еще долго пополняться новыми и новыми работами.

Всего же Вам доброго! И наипаче крепкого здоровья!

Эмилия Израилевна от души Вас приветствует!

Как хотелось бы получить хотя бы несколько строк от Вас!

Крепко обнимаю Вас

Ваш С. Боровой

P.S. Кстати, хочу Вам сообщить, что на-днях вышел из печати 3-й том "Советской исторической энциклопедии", в котором помещена моя заметка "Велижское дело" (не подписанная)⁵. Я был очень рад, что смог, сославшись на Вас⁶, рассказать о том, что Лермонтов под влиянием этого дела написал "Испанцев". Мне кажется, что только сейчас Ваше открытие станет известным более широкому кругу историков.

¹ Вероятно, речь идет о кн.: Гроссман Л. Достоевский. — М.: Мол. гвардия, 1962 (ЖЗЛ).

² См. прим. 2 к письму от 9.VII.1963.

³ См. прим. 4 к письму от 1.III.1961.

⁴ См. прим. 2 к письму от 4.X.1926.

⁵ Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. — М.: Сов. энциклопедия, 1963. Т. 3, Стб. 33.

⁶ Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // Литературное наследство, 1941, т. 43-44. — С. 673-744.

Одесса, 21 ноября 1963 г.

Дорогой и родной Леонид Петрович,

до глубины души я был тронут Вашим письмом¹. Я жалею, что не мог его приколоть к себе, как орден, и показывать всем [...]. Я очень горжусь, что мог вызвать такое послание. И вообще очень горжусь нашей долголетней, становящейся все более крепкой дружбой.

Я очень не хотел и боялся этого юбилея — и потому, что считал, что мне рано в "маститые", и потому, что боялся, как бы этот "юбилей" не поставил меня в ложное и унижительное положение. Но получилось много лучше, чем можно было думать. Все прошло в очень теплой и приятной обстановке. Я получил около 150 поздравлений, и среди них немало таких, которыми горжусь. И среди них на первом месте — Ваше, дорогой и родной Леонид Петрович. Спасибо вам за все, за то, что Вы есть [...].

Этот "юбилей" совпал и с другим событием, которое потребовало больших душевных и физических сил: мы переехали на другую квартиру. Тоже далеко не идеал, но у меня сейчас большой обособленный кабинет, стало несколько комфортабельнее и т. д.

Я еще не совсем закончил всех работ по перестановке библиотеки и т. п. Не закончены ремонтные работы. Но надеюсь, что скоро все это будет позади.

Очень хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете, какие у Вас новые замыслы и т. д.

Простите, что в смятении чувств не могу написать ничего более вразумительного!

Еще раз: большое-большое Вам спасибо за все!

И позвольте Вас с братской нежностью поцеловать!

Ваш С. Боровой

Запомните мой новый адрес:

Одесса 57, ул. Щепкина, 23, кв. 9 (тел. 3-58-45).

¹ 12 ноября 1963 г. отмечалось 60-летие С.Я. Борового, и Л.П. Гроссман прислал юбиляру теплое поздравительное письмо.

24 декабря 1964 г. Одесса

Дорогой Леонид Петрович,

Эмилия Израилевна и я шлем Вам самые горячие дружеские приветы и поздравления к новому году. И наипаче — крепкого здоровья!

Очень хотелось бы знать, что и как у Вас. Недавно имел весточку от

Николая Николаевича Любимова¹ — моего друга и соседа по даче.

Надеюсь, что зимой встретимся!

Не забывайте

преданного Вам и любящего

С. Борового

¹ Любимов, Николай Николаевич (1894-1975) — видный экономист, историк, профессор Московского финансового института и МГИМО. Лето проводил, как правило, на своей одесской даче, по соседству с дачей С. Борового.

Семен ВАЙНБЛАТ

Двадцать пять лет и "Всего тринадцать месяцев"

В свое время Юрий Зиновьевич Дынов был, как говорится, на виду всей Одессы — заслуженный артист Украины, великолепный баритон, эффектная внешность, искрометный талант, первые роли во многих опереттах, словом, баловень судьбы, любимец публики. Гораздо меньше людей знали о том, что он вместе с Владимиром Валовым написал либретто спектаклей "Страсти святого Микаэля" и "Дворец прекрасной дамы", был одним из авторов русских вариантов музыкальных пьес "Лисистрата" и "Кин"... Но во всем блеске его несомненное литературное дарование проявилось, конечно, в таком трудном, а потому редком жанре как драматическая поэма "Всего тринадцать месяцев" (Пушкин в Одессе). Рукопись пьесы Юрий Дынов зарегистрировал в Одесском управлении по печати 17.02.1968 года.

Пушкинисты обычно ревностно и настороженно относятся к тем, кто, по их разумению, самочинно, вторгается в сферу их деятельности. Тем более ценным для автора стал отзыв о поэме известного пушкиниста Татьяны Цявловской, которая, назвав ее "очень серьезным и талантливым произведением", подчеркнула, что "пьеса ничем не оскорбляет придирчивое ухо человека, посвятившего жизнь изучению Пушкина...". Восторженной была и оценка академика Д. Благого: "Несмотря на то, что среди авторов пьес о Пушкине такие мастера, как Булгаков и Паустовский, ни одна не может быть признана по-настоящему удачной, пьеса же одесского автора, наоборот, имеет много достоинств: она написана живым и острым стихом, полна драматургического движения".

На Всесоюзном пушкинском конкурсе 1974 года пьеса Дынова была удостоена диплома I степени, ее поставили театры Ленинграда, Казани, Курска, Харькова, одесситы помнят ее в блистательной постановке Русского театра.

Зрительский успех, прекрасные отзывы критики... Что, казалось бы, нужно еще? А еще Дынову хотелось напечатать свою поэму — вполне естественное желание автора. Но ни в одном издательстве страны опубликовать ее не хотели. Так и пролежала рукопись в столе чуть более 25 лет, изредка доставаемая для очередного безрезультатного представления издателям... И только в 1994 году стараниями близкого друга автора Тать-